

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

ПАВЛО
ТЫЧИНА

Библиотечка
избранной
лирики

ПАВЛО ТЫЧИНА

*Перевод с украинского
Льва ОЗЕРОВА*

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1967

Редакционная коллегия:

**И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, ВАС. ФЕДОРОВ**

ВЕТЕР С УКРАИНЫ

В начале десятых годов нашего века юноша — уроженец села Пески Новобасанского района на Черниговщине — посещал нелегальные «субботы» на квартире Михаила Михайловича Коцюбинского — кудесника украинского слова. Ему и читал этот юноша первые свои стихотворные опыты.

Вскоре, в 1912 году, Коцюбинский показывал стихи своего молодого друга Горькому на острове Капри. Много позднее, в 1927 году, Горький писал автору этих стихов, уже в ту пору известному поэту Тычине: «Знаю я вас давно, мне много и нежно, — как он изумительно умел говорить о людях, — рассказывал о вас М. М. Коцюбинский, читая некоторые ваши стихи».

Сейчас на дворе вторая половина шестидесятых годов XX века. В надежных руках мастера украинского стиха его тонкое и твердое перо. Свыше полу столетия длится несменяемый поэтический пост Павла Тычины. Это он в заревую революционную пору зажег стихотворные строки, сест которых не померк до сих пор. Напротив, с годами все больше и больше видно их далекое и могучее свечение. Молодым людям, выходящим на литературное поле сегодня, они освещают дорогу...

Когда читаешь Тычину, видишь перед собой при днепровские тополя и гигантские гребенки гідростанций, слышишь «солнечные кларнеты» и гул революционного народа «на майдане возле церкви». Когда читаешь Тычину, ощущаешь дыхание ветра с Украи-

ны. «Ах, никого на свете так я не люблю, как дуновенье ветра, его печаль, его боренья и землю, землю свою». Ветер с Украины... Он нежно «гладил нивы» и непреклонно гнул тополя и ломал, вырывал с корнями вековые дубы.

Поэзия Тычины — это боевой запев новой украинской поэзии, соединившей задушевную мелодичность с громоносными голосами революционной поры.

Поэзия Тычины воспекает «сталь и нежность» (так, кстати, называется одна из его книг). Она непримирима и добра. Любуется цветом яблони и гранью штыка над плечом пограничника. Один конец поэтической радуги Тычины — в плавнях Днепра, другой — на вышке телевизионной башни. Он широк, поэтический мир Тычины. И на нем резко и броско — дата времени. Душа, стих, слово поэта чутко улавливают новое. Новое! «Мемуарный возраст» никак для Тычины не наступает, несмотря на семьдесят шесть паспортных лет...

Певец интернационального братства, «чувства семьи единой», Павло Тычина создал образы, имеющие глубокие корни в исторической почве Украины. Речь поэта, его интонация, синтаксис, ритмика самобытны и неповторимо индивидуальны. О любом его стихотворении, если даже вы не разглядели имени автора, можно безошибочно сказать: это Тычина. Тем сложнее задача переводчика, пожелавшего и осмелившегося воспроизвести в стихии русской речи образы украинского мастера. С юношеских лет я с любовью и пристальным вниманием стремился в меру сил помогать в решении этой задачи.

Лев Озеров

НЕ БЫВАЛ ТЫ В НАШИХ КРАЯХ

Не бывал ты в наших краях!
Там, где небо — как моря просторы,
Там, где степь, и курганы, и горы...
А весенние ночи в лесах!
Не знаешь ты разве, не знаешь,
Когда сам и смеешься, дрожишь и рыдаешь,
Сердце бьется, что птица в силках,
Не бывал ты в наших краях!

Не бывал ты в наших краях —
Не таким бы оттуда вернулся!
Там простор широко распахнулся,
Люди знают и горе и страх,
Но тужить не хотят, не умеют,
Но без песни чудесной не пашут, не сеют.
Ну, а ты — постоянно в слезах...
Не бывал ты в наших краях!

1911, август

ГДЕ-ТО В ГЛУБИ СЕРДЕЧНОЙ

Где-то в глуби сердечной
Песнь любви зазвучала без слов.
У реки быстротечной...
Ты сказала тепло: будь здоров!
Будь здоров, ты сказала, родимый!
Ах, заплакало сердце: любимый...
У реки быстротечной...
Где-то в глуби сердечной
Песнь любви зазвучала без слов.

Говори, слушать мне любо-милу,
Голос твой — как певучий ручей.
Ночь нас в выси манила
Мириадами звездных лучей.
Веткам песню нашептывал ветер,
И туман ему эхом ответил...
Ночь нас в выси манила...
Говори, слушать мне любо-милу:
Голос твой — как певучий ручей...

1914

НА МАЙДАНЕ

На майдане возле церкви
революция идет.
— Чабану быть атаманом! —
громом говорит народ.

— Гей, по коням! В путь-дорогу!
Со свободой ждите нас! —

Зашумело-закипело,
флаги рдеют в добрый час.

Матери стоят печальны,
и мольба у них одна:
освещай сынам дорогу,
ясноглазая луна!

На майдане шум смолкает,
день уходит прочь.
Вечер.
Ночь.

1918

В ХАРАКСЕ

Рассвет. С постели встал я. Санаторий
еще не просыпался. Ожил сад.
В нем птицы все никак своих историй
не выщербуют. Утру, видно, рад,

садовник поливает сад высокий —
вода шумит по листьям. А гора
Ай-Петри розовеет на востоке —
мерцанье, блики, первый луч! Пора!

И тороплюсь я к морю. И неволюсь,
задерживаюсь. С вечера звенит, —
а что звенит во мне? — какой-то голос

припомнить силу. Поглядел в зенит — там самолет. Ах, вот что! Наши полюс перелетели. Полюс! Солнце! Жить!

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Тараса голос нужен нам — громово прославить всюду наш могучий день. Пускай враги услышат: мы — стальные! Растопчем и раздавим мы того, кто посягнет на нас.

Тараса голос нужен нам. Сияет над нами солнце. Солнце же воспеть мы можем только песнею живою — глубокою и мощною. Возьмем, поэты, глубже тон!

Ведь стало глубже чувство жизни. Шире, богаче путь. И тяжелей плоды... Во имя человека строим верфи, театры, клубы, фабрики. Привет трудящимся земли!

Тараса голос нужен нам. А море вокруг шумит, беснуется, кипит, ярится. Вся напряжена Европа — надземный гул растет... Да, будет гром, там будет, будет гром!

Тараса голос нужен нам... В Европе
мрак нестерпимый — как жандарма сон, —
он давит на мозги, он мысль стесняет.
Но молния летит по облакам:
там будет, будет гром!

Там океан необозримый — массы
народные. О варвар, трепещи:
за кровь невинных ты своею кровью —
и за Испанию и за Китай —
расплагишься сполна!

Сполна ответишь ты. Настанет время,
и вражью кровь, разлившись, понесут
ручьи и реки. И победы знамя
забьется на ветру. И вырвется
неслыханная песнь...

И вот что славно: в этой гордой песне
мотив Шевченка будет жить, — как там,
в Испании, когда, поэта имя
приняв, носила рота с гордостью
на знамени своем.

1. III. 1939 г.

ТЕБЕ, НАРОД ЛЮБИМЫЙ МОЙ

И день, и свет, и сад в расцвете,
и трепет радуги-дуги...
Всего прекраснее на свете
ребенка первые шаги!

И юности тугие жилы,
и ощущение гроз в себе...
Стократ свои умножишь силы,
бойцом участвуя в борьбе!

Но этой силе — год за годом —
самой явиться не дано.
Ее постигнешь ты с народом,
всегда живи с ним заодно.

Не будь у жизни экскурсантом
и гостем на короткий миг...
Пусть диалектика брильянтом
блеснет в свершениях твоих.

Я песнь пою о человеке,
и песнь моя зовет в поход...
Она от сердца и навеки
тебе, любимый мой народ.

Течет вода, шумят осоки,
челны у берега в тени...
Земные молодые соки —
как освежают нас они!

В материю проник мой разум,
в движение, в событий ход...
Но это все — твое, все разом —
тебе, любимый мой народ.

И ветер, и дыханье влаги,
и дней грядущих череда..
На свете большей нет отваги:
не бойся жизни никогда!

Не в отблеске ножа значенье:
следы за остротой идей!..
Строкой — сильней землетрясения! —
ты потрясешь сердца людей.

Тогда послужишь людям делом
и поведешь их за собой,
когда душа не поседела,
когда ты сердцем молодой.

Слова твои — как птичья стая
(пора забыть про седину!),
и в сердце девушки влетают
и облетают всю страну.

И гром и дождь тебе не страшен,
И не страшна тебе печаль!..
Ты будь выносливым, как наша
аустенитовая сталь.

Быть в гуще жизни! Жить борьбою!
Не знаю мудрости иной:
хочу всегда звучать тобою,
народ любимый мой, родной.

1941

ГРОЗА

В башкирских я стоял горах. Урал
смотрел в глаза мне, глыбистый и тяжкий.
И летний день — рубашка нараспашку —

молчал... И слышалось, как минерал
из-под земли шептал о сем, о том,
как золото под спудом волновалось,
как все вокруг сурово ополчалось
на недругов, ворвавшихся в наш дом.

Леса да камень... Из лесных глубин
дорога шла то вниз, то снова в гору.
Везде, насколько открывалось взору, —
на всех вершинах синь, ультрамарин
(когда они под тучами) и дым
на всех вершинах пленкой бирюзовой
(когда они на солнце), и по ним
легко струился ветер предгрозовый.

Гроза все шла да шла, но где-то там,
далеко! И порой по черной туче
летучий змей, свиваясь, городам
в глубь сердца метил. И с высокой кручи
порывы ветра доносили мне
пожара запах. «Аждаха! * Упрямый, —
кричал я, — не балуй! Ты на огне
сгоришь! Не спорь, не спорь с богатырями!»

Кахим-Турé, легендой ставший, тот,
кто с русскими гонял Наполеона,
в сердцах сказал однажды: «Пусть умрет
навек враг наш! Бьем его бессонно,
треклятого, — все злей, все тяжелее.
Любовь к Отчизне встала надо всем.

* Змея (башкир).

В огонь, ни сил, ни жизни не жалея!
Хай ылькяем, нэзэк билькяём» *.

О звуки братской речи! В час суровый
хоть я из-за Днепра к тебе пришел,
Башкирия, твое могу ли слово
не полюбить! Оно как бы орел
в душе моей: в жестокую годину
само взлетает кверху. «Аждаха! —
врагу кричу я. — Будешь издыхать
за то, что мучил нашу Украину».

Налезо — степь в иссиня-темных точках,
как будто там ссыпали черный мак.
То — Ишимбай, а там — Стерлитамак.
Озера нефтяные, ямы, кочки...
Их резкий свет слепит глаза до боли:
«Из-под земли идем на помощь тем,
кто бьет врага, чтоб не поднялся боле!
Хай ылькяем, нэзек билькяём!»

...Так я взобрался на вершину склона.
Какая красота вокруг меня!
Привет тебе, родник неугомонный
подземного могучего огня!
В тебе источник силы молодецкой.
А люди у тебя — добро и свет,
и музыки нигде подобной нет,
как этот гул заводов Белорецка.

* Приблизительно означает: «Жизни своей не пожалею за Отчизну тонкостанную свою» (башкир.).

Я был в цехах — о, сколько, сколько есть
(с их обликом вовеки не расстанусь)
людей! Работа — совесть их и честь,
и в этой чести — наша первозданность
среди народов мира! (Я сорвал,
к себе пригнувши ветку, кисть рябины —
попробовать на вкус...) В труде Урал
судьбу связал с сынами Украины.

Направо поглядел я: близ Авзяна
шла золотая жила... как кудель,
в земле она свивалась. Ак-Идель
текла величественно-неустанно,
как на приволье песня молодых.
Ее кругом оберегали горы
от бури: Яман-Тау, Ирандык...
Сквозь них вели проходы, коридоры.

По просекам машины пробегали
в Магнитогорск, в Челябинск... А вдали
кусты черемух на свету играли.
И на заводах цвет моей земли
ковал победу грозно. И витала
над кручами уверенность сама.
...Взлетела ввысь орлиная семья —
направилась на запад от Урала!

Все чаще им лететь день ото дня.
Там, за Днепром, прославленные части
для всех нас отвоевывают счастье
и волю... Грохот! Буря!.. На коня
вскочил — я вижу — сам Кахим-Туре
и замахнулся саблей... И по туче

черкнул вдруг кто-то пальцем: «И в норе
зверье найдем и нападать отучим!»

Ударил гром, и повторился он
обвалами в горах... И вдруг закапал
тяжелый дождь... Он скребся. Как сквозь сон,
увидел я: насытый зверь царапал
и мучил Украину-мать и нас,
детей ее и внуков... Я подался
к Днепру, крича от гнева. Гром раздался
и до подножий горы все потряс.

И сумерки сгустились на земле!
И словно артиллерия гремела,
и бомбы падали. Река во мгле
куда-то вниз стремительно летела
и вражьи трупы жадно уносила, —
они, крутясь, срывались в никуда;
их не держала на себе вода,
а бездна их взяла и поглотила.

...Поздней, когда все стихло, синева
сквозь тучи показалась, а за нею
раздался солнца смех, и все сильнее
дрожала в небе радуга, жива,
и трепетна, и радостна... Сияя,
она сказала громче всех поэм:
«О родина! Великая, святая!
Да будет враг твой бездыханно-нем!
Добудем счастье нашим людям — всем!
Хай ылькяем, нэзек билькяем!»

Уфа, 25 VII 1943 г.

ЖИТЬ, ТРУДИТЬСЯ И РАСТИ...

Жить, трудиться и расти дано нам
так, чтобы гром гремел из края в край!
Реет знамя в небе озаренном,
а кругом простор — хоть запевай!

Глянешь вправо — новые заводы,
влево глянешь — нивы и поля,
борозды, широкие разводы,
бронзовая издали земля.

Из глубин встаем — друзьям на радость, —
ствол из корня — значит, из земли.
Хлеба! Антрацита! Винограда!
А на море — наши корабли.

Трудимся одною мы семьею,
приближаем коммунизма час.
Золото не только под землею —
золото в душе у всех у нас!

Затихают в сердце нашем боли,
радость так и рвется из груди.
Девушки — как тополя на воле,
а ребята — чудо: погляди!

Воины идут дорогой к дому.
Праздник! Сколько света и любви!
Девушка, дай руку молодому!
Мать, невесту прямо в дом зови!

Наш народ расти все выше хочет,
нам сияет солнце в синеве.

Ножками ребенок затопчет
по садовой тропке, по траве...

Есть на свете истина простая:
жить, в работе догонять мечту.
Строим снова! Труд перерастает
в красоту...

1945

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Идешь в сиянье новой славы,
идешь в деревни, в города,
такой же смелый и кудрявый,
такой же юный, как всегда.

Нет на пути твоём преграды.
Народы чтут тебя, поэт!
О наша гордость и отрада,
прими восторженный привет!

Ты славил Правду и Свободу —
от строк твоих в веках светло.
Хотел ты счастья для народа —
оно пришло, оно пришло!

Нам революция открыла
труда и творчества пути,
в борьбе нас партия учила
вперед, всегда вперед идти.

Россия — новая, родная, —
она встает во цвете лет...

За океаном — тьма ночная,
у нас — сверкающий рассвет.

Смотри, как путь наш прям и ясен,
какие мы вершим дела!
Как человек у нас прекрасен,
как даль грядущего светла!

Пройди, пройди по Украине
и взглядом пристальным взгляни:
следов бывшего нет в помине —
другая жизнь, другие дни!..

Сегодня светом ярким, чистым
сияют Каменка, Тульчин:
в горячем деле декабристов
и твой горячий был почин.

Взгляни: и Киев и Одесса
теперь по-новому живут.
Взгляни на чудо Днепрогэса, —
ну как не радоваться тут!

Ведь сказка наяву свершилась...
И твоего труда зерно
на нашем поле всколосилось,
хоть в почву брошено давно.

И в наши годы грозовые,
пока военный лязг не стих,
клеймит клеветников России
твой честный, твой бесстрашный стих.

Врагов великого народа
карает грозно твой кинжал,

его не притупили годы,
он убивает наповал.

Ты весь — призыв, ты весь — движение,
как жизнь, твоя строка сильна —
не знает тлена и забвенья,
не знает старости она.

Поэзии родной светило,
в сердцах людей ты вечно жив —
неисчерпаемая сила
и неслабеющий порыв!

В свершеньях новых поколений
душа поэта расцвела.
Привет тебе, наш русский гений,
навек слава и хвала!

1949

ТАНЦЫ НА МЕЧЕ

*Из стихов о Шотландии **

Мы на приеме в Абердине **,
посланцы Родины побед.
...Прием окончен. Посредине
большого зала — яркий свет.

* Павло Тычина в составе делегации СССР ездил в Англию на празднование двадцатипятилетия Общества культурной связи с СССР.

** Абердин — один из северных городов Шотландии, на берегу Северного моря.

Шотландки замерли, пригожи, —
прошла секунда, три и пять...
Когда был на пол меч положен,
волынки начали играть.

Вперед — и ленты отлетали,
назад — и ленты на плече.
Шотландки танец танцевали,
народный танец на мече.

То шли — подруга за подругой,
в ладоши ударяя в лад,
а то с притопами по кругу
вдруг возвращались назад.

То кверху взбрасывали руки,
то поднимались на носки.
Волынок раздавались звуки,
мелькали быстрые шажки.

Прыжок — и ленты отлетали,
отход — и ленты на плече.
Шотландки танец танцевали,
народный танец на мече.

Шелка подрагивали в пляске,
шелка как бы струились с плеч...
Смотрели девушки с опаской:
не наступить бы им на меч!

Был шаг их горд — смелее к цели,
а цель видна им — в бой с огнем,
и все же все на меч глядели
так, словно зверь таился в нем.

На горло зверю! Громче, шире
вздымайся, гордый клич! Смелей!
На митинге в защиту мира
друзья увидели друзей.

Я слышал: юность призывала
освободить народ от пут,
и маски с недругов срывала
шотландка, что танцует тут.

Фашисты вновь сулят нам горе?
Страна Советов — океан,
она надежда и опора
для трудовых людей всех стран.

Все, что в Шотландии я встретил,
что услышал от горняков,
навек в сердце я отметил
напевно строфами стихов.

А танец дышит юным пылом
и увлекает, как любовь!..
Народ шотландский — вольным был он,
я верю: будет вольным вновь.

Его не испугают раны,
ни виселица, ни топор...
Он, ненавидящий тирана,
свободу любит с давних пор.

Народ в борьбе лишь силы множит,
он против гнета палачей.
Так кто ж его заставить сможет,
чтоб танцевал он на мече?!

Иль поджигатели пугают,
чтоб был народ и глух и тих?
Ударьте их — пусть отвыкают,
громами оглушите их!

Вдруг зал от грома покачнулся,
и зашумел, и задрожал.
...И я внезапно оглянулся —
гремел в аплодисментах зал!

Вперед — и ленты отлетали,
назад — и ленты на плече.
Шотландки танец танцевали,
народный танец на мече...

1950

**ТАМАРА АБАКЕЛИЯ РАБОТАЕТ
НАД ПАМЯТНИКОМ ЛЕСЕ УКРАИНКЕ**

Она давно здесь, в мастерской. Читает.
Уж солнце встало, стены озарив.
Задумалась. Глядит в окно. Мечтает.
Потом в раздумье, книгу отложив,
сказала громко: «Леся! Кто не знает,
что напряженьем боя дух твой жив!

Ты воевала с лютыми врагами,
ты призывала в битву против зла,
творцов клеймила, что скрывались в храме, —
от Чернышевского, Шевченко шла,
от Добролюбова. Тебя в Сурами
увековечим, чтоб всегда жила».

Художница стремительная встала.
«Я прочитала лирику твою
и поняла, чего не понимала,
и, очарованная, вот стою...
Всю жизнь свою боролась ты, дерзала.
Но верно ль образ твой передаю?

Передо мной к поэме Руставели
развешаны рисунки; дальше вот
«Давид Сасунский»; это акварели
из жизни партии... (Вдруг как скользнет
по стенке зайчик, стекла заблестели...)
А где начало будущих работ?

Они — горенье, поиск и дерзание.
А если так, какой я сотворю
тебя, родная Леся?.. Свет, сиянье,
порыв вперед, «с народом говорю» —
вот основной мотив... Вот обаянье
твоей души... Я вся дрожу... горю...

И сбросила Тамара покрывало
со статуи, взмахнула широко
рукою и сказала: — Мысли мало
в моей работе... Мысли! Прав Франко:
ведь слово Леси по-мужски звучало,
а здесь дан образ чересчур легко...

И начала брать глину и сурово
станок вертеть не раз, не два, не пять,
то подходить, то отступать и снова
все лишнее отбрасывать... «Опять
я поняла: работа не готова, —
мне надобно твой образ угадать...»

Движенья скульптора точны и круты,
а под бровями — молнии, гроза.
...Но что за шум? Ей показалось, будто
за стенкою все ближе голоса.
Стук в дверь. Сейчас! Еще одна минута —
проверить надо щеки, лоб, глаза.

...И вот вошли. «А что там в телеграмме?
Читай! Правительственная пришла?
Скорей читай! «С проектом ждем в Сурами,
осмотрим площадь, домик, где жила.
Размеры статуи решим мы с вами...»
...Счастливой Абакелия была!

...Она обрадовалась. «Я готова!
Пора мне... Впрочем, надо бы взглянуть...» —
И вновь к станку подходит, чтобы снова
вот здесь убавить, там вот подчеркнуть...
Потом со стороны глядит сурово
на труд свой... Может, хватит? Хватит! В путь
скорее! На машину!

1953

ДАВИДУ ГУРАМИШВИЛИ

Удивительная сила —
наша дружная семья:
Украина и Россия,
с нами Грузия твоя.
Мы сердца соединили —
не найти прочней родства.

С нами ты, Гурамишвили,
песнь твоя жива.

Что так молодит поэта?
Словно был ты среди нас
вот недавно — этим летом,
нынче утром — вот сейчас.
Из твоей мы чаши пили
сок поэзии живой.
Слышен нам, Гурамишвили,
чистый голос твой.

Пел открыто, думал прямо,
жизнь твоя прошла в борьбе.
Миргород и Сагурамо
вспоминают о тебе...
Дружбе мы пути открыли,
поколение Октября.
Погляди, Гурамишвили, —
занялась заря...

Мир поэзии великой
с каждым новым днем новей.
Ярче блеска сердолика
свет сердечности твоей.
Навсегда мы полюбили
нежные твои слова.
С нами ты, Гурамишвили,
песнь твоя жива.

1955

В пору юности росистой —
волос темен,
 звонок голос,
столько красок, столько линий!..
А теперь
 белеет волос —
словно серебристый
 иней.
Сизый-сизый иней.

Что же. Верно все. Не ново.
Сердце, тише!
 Мне навстречу —
возраст зимний, быстротечный.
Понимаю.

 Не перечу...
Мыслит ум сурово —
 вечный.
Мыслит разум вечный...

Пусть виски и поседели,
но душа
 не увядает!
И звучат в ней те же струны.
Чуть печально?

 Кто их знает!
Ведь и в стужу ели
 юны,
зелены и юны...

Может, я бренчал на лире?
Пел бездумно,
 томно, сладко?
А народ пусть сам рассудит.
Пчелку любят
 с полным взятком.
Мысль движение в мире
 будит.
Мысль работу будит...

Тот, кому страшны метели,
радости — увы! —
 не знает.
Как сухой песок.
 Как дюны.
Сердце мне все напевает:
и зимою ели
 юны,
зелены и юны...

1957

У АСЕЕВА В ГОСТЯХ

Асеев, солнце, славный друг Асеев!
Курянин ты, с Черниговщины я.
Мы в чем-то так похожи, но кто знает,
в чем этой общности черты.
Моя душа к тебе взывает,
а ей в ответ — твоя.
Асеев, солнце, славный друг Асеев, —
глубокой дружбы колея.

Всегда в Москве к тебе спешу я в гости,
и ты радушен с первых же минут.

— Идем, идем, тебя вот мы и ждали;
Оксана, шапку отними! —

Глаза Оксаны заблестали:

— Постой... и Лида тут... —

Нам радостно, к тебе пришли мы в гости.

Мы вместе, и часы бегут.

— Поборемся? — кричишь. — Ведь мы так юны!

Давно с тобой не виделись, давно! —

И дружбы широки объятья —

нет, нас не разомкнуть... И вдруг

ты брови сдвинул: — Кстати, кстати,

я ночью... перевел... одно...

Читаешь «Думу», и слова что струны,

а солнце все глядит в окно.

За стол садимся. И в мгновение — тихо.

За Маяковского наш первый тост.

Потом мы пьем за племя молодое.

— Перегоняют нас, Павло?

Хоть кое-кто строчит пустое!

«Надменный недорост»,

намеренный никчемною шумихой

взорвать традиций наших мост.

Но в молодом кругу среди поэтов

иные есть! Поможем молодым.

По-ленински. К их душам прикоснуться,

уменье, опыт — все отдать!

От чуждого, чужого отмахнуться,

его развеять, точно дым.

Отбросить юность? Не к лицу нам это.
О нет, поможем молодым.

Асеев, солнце, славный друг Асеев!
Курянин ты, с Черниговщины я.
Мы в чем-то так похожи, но кто знает,
в чем этой общности черты.
Моя душа к тебе вызывает,
а ей в ответ твоя.
Асеев, солнце, славный друг Асеев, —
глубокой дружбы колея.

1963

В ЛЕСУ

Ходили мы сегодня в лес — зеленый,
раздумчивый: он над тобою весь —
в сплетенье линий, разветвленный дивно,
и хрупкий, словно замысел, хрустящий...

Аукнемся! Ого — загоготало...
Ну, побежим! Ага, — какой здесь гул...
Вдали белеет... это институт
сельскохозяйственный — ты видишь?

О девушка, твоя рука тепла.
Здесь посидим! Ну вот прислушайся,
как тишина о чем-то нам лепечет...
Но ты стоишь — ни с места...

Теплыню веет от твоей щеки...
А взгляд!

Ты хочешь что-то мне сказать? Скажи!
И мы помчались по лесу — все дальше.
И так нам было радостно,
так хорошо...

1965

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Еще вчера шел дождь, колюч и зол,
и сердце оттого весь день болело.
Сегодня ж — будто в сад маляр пришел,
провел он кистью — всюду побелело.

И сад не тот. И ты не тот. Ногами
ступаешь твердо. Деревцо задень —
обдаст тебя сыпучими снегами,
скользнет за ворот струйкой — жжет, как
пламя...

Смеются? Пусть! В такой погожий день

и смех не грех. Иди! Твоя тверда
с народом поступь, с общею судьбою.
Не угождая моде никогда,
ты будь собой, собой, самым собою.

Все, что тобой и всеми пережито,
да будет свято — время уважай!
Пусть сеются снега, как бы сквозь сито:
зазеленеет, всколосится жито,
и будет, будет, будет урожай.

1965

КНИГИ П. Г. ТЫЧИНЫ

(Библиографическая справка)

На украинском языке:

- «Вибране», Київ, «Державне видавництво художньої літератури», 1954.
- «Вибрані твори в трьох томах», Київ, «Державне видавництво художньої літератури», 1957.
- «Зростай пречудовний світе», Київ, «Радянський письменник», 1960.
- «Твори в шести томах», Київ, «Державне видавництво художньої літератури», 1961.
- «Тополі арфи гнуть», Київ, «Державне видавництво художньої літератури», 1963.
- «Срібної ночі», Київ, «Дніпро», 1964.
- «Вибране», Київ, «Дніпро», 1966.
- «Твори», Київ, Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1966.

На русском языке:

- «Избранное». «Советский писатель», М., 1948.
- «Стихи», «Библиотека «Огонек», М., 1951.
- «Избранные стихотворения». Детгиз, М., 1951.
- «Стихотворения», ГИХЛ («Библиотека советской поэзии»), М., 1957.
- «Мы совесть человечества». «Советский писатель», М., 1959.
- Сочинения в двух томах. ГИХЛ, М., 1960.
- «Океан полноводный». «Библиотека «Огонек», М., 1961.
- «Избранное». Издательство художественной литературы, М., 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

Ветер с Украины. Вступление Льва Озерова .	3
Не бывал ты в наших краях	5
Где-то в глуби сердечной	6
На майдане	6
В Хараксе	7
Во имя человека	8
Тебе, народ любимый мой	9
Гроза	11
Жить, трудиться и расти...	16
Александру Пушкину	17
Танцы на мече	19
Тамара Абакелия работает над памятником Ле- се Украинке	22
Давиду Гурамишвили	24
Иней	26
У Асеева в гостях	27
В лесу	29
Предвесеннее	30
Книги П. Г. Тычины	31

Тычина Павел Григорьевич

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА М., «Молодая гвардия».
1967.

32 с. (Б-чка избранной лирики)

С(Укр) 2

Редактор *М. Беляев*

Художник *А. Власова*

Худож. ред. *Н. Коробейников* Техн. ред. *Н. Михайловская*

А01133. Подп. к печ. 8/II 1967 г. Бум. 70×108¹/₃₂.

Печ. л. 1(1,4) Уч.-изд. л. 1,2. Тир. 140 000 экз.

Заказ 2790. Цена 6 коп. Т. П. 1967 г., № 397.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

6 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ